

Охотничьи легенды кумандинцев¹

Н. П. Дыренкова

Охотничий промысел в прошлом играл весьма значительную роль в хозяйственной деятельности кумандинцев. Еще в конце прошлого века (90-е годы) 60,8% кумандинцев занимались охотничьим промыслом.² Совершенно естественно поэтому, что в кумандинском фольклоре сохранился ряд легенд, отражающих, с одной стороны, существовавшие в охотничьем хозяйстве отношения (экономические и социальные), а с другой — сложившиеся в связи с охотничьим промыслом религиозные представления, в первую очередь представления о „хозяевах“ горы и тайги, воле которых приписывали удачу и неудачу на промысле.

Ушедший за много километров от дома, затерявшийся в тайге, технически слабо вооруженный, подвергавшийся все время случайностям тайги, измученный и часто голодный кумандинец-охотник попадал во власть созданных его воображением сверхъестественных существ. Он заселял тайгу духами и распределял между ними тайгу так, как некогда у самих кумандинцев распределялись охотничьи угодья между родами. Со „своей“ горой-тайгой, с «хозяином» ее кумандинец всегда ощущал тесную связь, осознавал свою зависимость от нее, от нее он испрашивал и ждал для себя различных благ и помощи. К своей горе-тайге, к ее „духу-хозяину“ он обращался во всех случаях жизни — при рождении ребенка, при женитьбе, в радости и горе. Им — этим „духам-хозяевам“ — он устраивал специальные моления — для испрашивания зверя на промысле и благополучия в хозяйстве, обилия скота и детей. Перед отправкой на промысел, перед моментом вступления во владения „духа-хозяина“ территории, охотничья артель устраивала ему особое моление, испрашивая себе удачи, а по возвращении с промысла благодарила его новым жертвоприношением.

„Духи-хозяева“ в религиозных представлениях (ныне уже исчезнувших под влиянием социалистического строительства) кумандинцев живут,

¹ Записаны в улусах Пешпер и Кубия Солтонского района и в улусах Алешкино, Сарыково и Нарлык Старо-Бардинского района Алтайского края.

² С. П. Шевцов. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1903, т. III, вып. IV, ч. I.

как и люди. Они связаны между собой родственными отношениями и отношениями господства и подчинения: богатая, обильная зверем тайга имеет богатого и сильного «хозяина» — владельца многочисленного скота, т. е. промысловых зверей. „Духи-хозяева“ женятся, воюют, ходят друг к другу в гости и нередко проигрывают один другому зверей „своей“ тайги. К пришедшему в „их“ тайгу охотнику они могут быть милостивы, и тогда успех на промысле обеспечен, или, напротив, настроены враждебно, и тогда, сколько бы ни старался охотник, удачи ему не будет. Вот почему, отправляясь на охоту, охотник заботится не только о своем охотничьем снаряжении, ружье и ловушках, но и об умилостивлении „духов-хозяев“, сопровождая процесс охоты особым ритуалом и многочисленными запретами.

Рассказывание сказок было обычным явлением в период звероловного промысла. Вечером, собравшись в стане, охотники иногда подолгу слушали сказки. Артель охотно включала в свой состав сказочника. Иногда тот или другой охотник срывал сухой стебель борщевника или дягиля и, сделав из него дудку — «шор», играл на ней. По окончании игры этот примитивный самодельный музыкальный инструмент обычно бросали. Бывало даже, что охотник-сказочник брал с собой из дома или изготовлял на месте род балалайки с волосяными струнами — «комыс». Рассказывание сказок, любовь к сказке характерна для кумандинцев, как и для всех их соседей. „Духи-хозяева“, по представлению кумандинцев, так же, как и люди, любят слушать сказки; в награду за сказку и за игру они посылают артели свой скот — зверей своей тайги. Вот почему в старину охотники, особенно в случаях неудачного промысла, прибегали к рассказыванию сказок и к игре на том или другом музыкальном инструменте как к религиозно-магическому приему умилостивления хозяина тайги, рассматривая, таким образом, рассказывание сказки как часть ритуала, связанного с самим охотничьим процессом; вполне понятно, что сказочник надеялся паем, равным с другими охотниками, участниками промысла.

Кумандинские легенды рассказывают, как охотник, обычно неудачливый, сделал себе «шор» или «комыс» и наигрывает в тайге. Заслышав эту игру, „хозяева“ тайги подходят к охотничьему стану послушать. В благодарность за игру они посылают сказателю-музыканту зверя.¹

Среди духов, приходящих слушать игру охотника, легенды часто упоминают „хозяев“ тайги — женщин. Мотив явления женских „духов-хозяев“ охотнику на промысле — один из наиболее ярких в охотничьем фольклоре. „Хозяйка“ тайги или дочь „духа-хозяина“ тайги „приходит к промышленнику“, „заставляет его жениться“ на ней, „кормит“ его в тайге и „наделяет“ зверем, т. е. „приносит ему удачу и богатство“.

Представления, лежащие в основе этих легенд, широко распространены как у алтайско-саянских туropol, так и у многих охотничьих народов

¹ О рассказывании сказок на охоте см.: Д. К. Зеленин, Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. Сб., посв. Сергею [Федоровичу] Ольденбург. Л., 1934, стр. 214.

Сибири, и восходят своими корнями в глубокое прошлое этих народов.¹

Отдельные детали в охотничьих легендах кумандинцев вскрывают давно отжившие формы общественных отношений и, в частности, норм брака.

Так, в легенде 4 „хозяйин“ тайги наказывает охотника за то, что он утаил от товарищей свою добычу. Охотничья артель, организованная некогда по родственному, а позднее, с распадом родовых отношений, по территориальному принципу, обычно промышляла совместно² и всю добычу делила поровну, независимо от того, кто из охотников сколько убил. В данной легенде „хозяйин“ тайги и „выступает защитником“ прежних первобытно-общинных отношений (коллективное производство и коллективное распределение) против частновладельческих тенденций удачливого охотника.

В легенде 1 „хозяйин“ тайги „осуждает“ поступок охотничьей артели, нарушившей старый порядок и не давшей встречному человеку доли от своего промысла.

В легенде 11 к охотнику „является“ дочь „духа-хозяйина“ горы, „рыжая девица“ и „ведет“ его к своему отцу — горному „хозяйину“. Охотник сватает у „хозяйина“ горы дочь, на что тот ему отвечает: „У девицы дядя со стороны матери есть, надо дядю позвать. Если он согласие даст, девицу мы отдадим“. Далее говорится, как „приходит“ дядя девицы, „пьет“ подаваемую охотником водку и „соглашается“ на его брак с „рыжей девицей“. Эта деталь легенды является отголоском идеологии материнского рода, на стили которого находились некогда предки кумандинцев, когда группа матери, особенно брат матери, имела наиболее близкое отношение к детям своей сестры, заменяя им отца. Ответ „хозяйина“ тайги охотнику находится в полном согласии со старинными брачными обрядами кумандинцев, в которых еще не так давно существенную роль играл дядя с материнской стороны — «тай» — невесты.

В легенде 12 „рыжая девица“ — дочь „хозяйина“ тайги — говорит мужу: „Мой брат нам скот дал, я от брата долю взяла и скот сюда гнала“. Слова „рыжей девицы“ в какой-то мере перекликаются со свадебной обрядностью кумандинцев, в которой брат невесты, наряду с ее дядей, играл большую роль. Он же заменял ей дядю в тех случаях, когда такового у нее не было.

Интересно, что в легенде 11 аналогичный эпизод передан иначе и несомненно отражает более поздние семейно-брачные отношения: девица идет уже не к брату, а к отцу и от него получает имущество и скот.

¹ См., например: Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен. П., 1907. (Тексты и перевод). — Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. (Тексты и перевод). Изд. АН СССР, 1947. — Л. П. Потапов. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков. Сб. „Культура и письменность Востока“, 1929, кн. V, Баку.

² Ср. слова старика в сказке 15: „Когда промышлять идут, три брата, не разлучаясь, вместе ходят...“

Поселение охотника у отца своей жены — рыжей девицы — является также отражением древней формы брака. „Когда он [охотник вслед за женой] вошел в гору, хозяин горы его там жить оставил“, — момент, характерный для матрилокального брака.

Сказка 15 насквозь пропитана пережитками прежних семейно-брачных отношений: в ней все время подчеркиваются запреты общения между невесткой и свекром. Любопытно, что дочь „духа-хозяина“ горы выдвигает именно эти запреты в качестве основного мотива раздела семьи. Переход жены старшего брата после его смерти к среднему, а затем к младшему брату — несомненно отражает обычай левирата, сохранявшийся еще до недавнего прошлого у кумандинцев.

Эта сказка интересна еще и тем, что в ней особенно акцентирована роль охотничьего промысла у кумандинцев, о которых уже путешественники начала XX в. говорят как о скотоводах и земледельцах по преимуществу.

Таким образом, мы видим, что прежние общественные и семейные отношения еще живо сохраняются в легендах и сказках кумандинцев.

Наконец, на кумандинском материале мы можем проследить, как охотничьи легенды, обычно краткие, тесно связанные с религиозными воззрениями и охотничьими обрядами, воспринимаемые как быль, постепенно усложняются, обрастают отдельными деталями, становятся больше по размерам и приближаются к сказке, где все рассказываемое воспринимается как нечто фантастичное.

Прежде чем перейти к самим легендам, я приведу два рассказа кумандинцев, Савинова Мултыкай Антиповича (род «Орокуманды», улус Сарыково Старо-Бардинского района) и Чинчикеева Александра Егоровича (род «Алтына-куманды» с. Кубия Солтонского района) об охотничьем промысле, которые иллюстрируют организацию этого промысла в прежнее время у кумандинцев. Эти рассказы проливают также свет на некоторые детали в охотничьих легендах.

Рассказ Савинова

Осенью охотники шли промыслять. Они, за плечи запас¹ взяв, одев лыжи («чана ку́йып»), — на промысел шли.

Когда далеко отправлялись, на конях ехали. До последнего улуса² на конях доезжали. Когда снег глубокий бывал, в том улусе коней оставляли или назад домой отпускали. Когда («кар жо́о полордо») — 'тонкий мелкий снег' был, коней на места с хорошей травой пускали. Эти кони там ходили, копытами снег разрывали и травой кормились. Охотники с собой ловушки («чӑргӓй-шаргӓй»), сети («пара»), капканы («та́бир») ³ брали. Дойдя до тайги, они снег разгребали; срубив пихты, у основания густоветвистого кедра («п̄арак п̄ашты́ ч̄у́рак а́аш») их втыкали, стан («стан») делали. Посередине огонь разводили. Приготовив

¹ См. примечания в конце статьи. Публикуемые охотничьи рассказы представляют подробный перевод кумандинских текстов, — *Ред.*

пищу, ели. Замешав «сталкан», хозяину тайги кропление совершали; [они брызгали] и хозяина просили, говоря: „Пусть наш путь удачным, счастливым будет!“ Духу-хозяину огня также жертвовали. Принесенный запас, взятые с собой ловушки, сети, капканы вместе складывали. Мальчишек на промысел тоже брали. Они старшим помогали, зверя выслеживать учились. Охотники в шалаше вместе жили, промышлять же по одному, по-двое шли. У кого ружье счастливое было («ырысты») — хорошо было, у кого несчастливое («ырыстыҕ а́бас») — пуля в зверя не попадала. Колонков, белок, горностаев убивали. Вечером, когда на ночлег возвращались, убитых зверей к стану приносили. Сняв шкурки, в стане сушили. На развилки («кәпкi») натянув, оставляли. У стана также сушили.

Когда промышляли, всю добычу, сколько ни убьют, поровну делили. Если который товарищ и мало убил, ему одинаковую долю давали. Иная артель и мальчикам целый пай давала, а иная, особенно если промысел плох был, полпая давала. Бывалого человека на промысле слушались. Ругаться и спорить нельзя было.

Когда на обратном пути встречный человек, свой или чужой, с ними (с охотниками) заговаривал («әрбәк табыш суражып»), охотники меж собой решали дать встречному помаленьку мяса, хотя бы на один раз сварить («пiр кәнадым пәрәр»). Развязав выюки, мясо зверя давали, чтобы на следующий год им удача была, чтобы спокойно по тайге ходить, чтобы дух-хозяин тайги много зверя посылал. Тот встретившийся человек в благодарность им говорил: „Путь ваш удачный пусть будет. Туда пойдете — белок стреляйте, назад пойдете — соболя поймайте!“ Мясо марала, мясо медведя давали. Хотя бы мясо одной белки давали. Пушнину не давали.

С промысла домой возвращались. Жены, водку («сак аразы») ⁴ приготовив, их поджидали. Все селение собиралось. Водку, разлив, пили; принесенное мясо сварив, собравшихся оделив, ели. Мясо марала, коз — сами ели. Близких людей, наделив, угощали.

Богачи на промысел не ходили. В долг беднякам запас, порох, дробь давали, ружья охотникам продавали, коней одалживали. Когда с промысла те охотники приходили, [богачи] у них по дешевой цене пушнину брали. Такие люди в прежнее время „сидя богатели“ («олторып пәйлады»).

Прежде так было: луки («нјанчык») были, стрелы («соҕон») были. Стрелами белок убивали. Позже молодежь («өскән паллар») стала из ружей («мултук») стрелять.

На белок («тiин») охотник с собакой ходил, на колонка («сарас»), горностаея («ас») ловушки («шәргәј, или чәргәј») ставил. На соболя («ниш»), выдру («камдак») — сеть («пара суҕ уп јүрдi»).

Марала (сыҕын сын), диких козлов («курап») на лыжах («чана») гоняли. Зверь в снегу вязнул, его убивали. На марала также самострелы ставили («аја тургутуп турдулар»). Летом маралов и козуль на солонцах выслеживали. Сидя на помосте («тастак, сак»), караулили. На марала и козулю петли ставили.

Марала и козулю, загнав, убивали; мясо поровну все делили. Если со стороны человек, видевший, как зверя убивали, к ним подходил («тоғротын кіжі пажып»), те охотники его мясом оделяли, чтобы „видевший глаз сухим не остался“ («кӱргән кӱс курук калбас» — 'без добычи').

Осенью снег мягкий и глубокий выпадал («кӱкпән картүлкү»), лисиц гоняли. Загнав лисицу, из ружья убивали. Иной раз палкой («ағаш-пла») били. Иной раз собаки за лисицей гнались, лисицу хватали.

На волка («пӱрү») капкан («тәбір») ставили. Капканом его придавливали. На конях за волками гнались, из ружья убивали.

На зайца («скојац») пасть устраивали («ағаш әдәр»), кулемку («күләмкә») ставили. Петли навязывали. Заяц в петлю («кыл») попадал. Шкуру сдирали, на распялки («кәкпә») натягивали. Мясо ели.

На выдру («камдак») сеть ставили. Когда выдра заходила и в сеть попадала, ее брали и убивали. Без сети выдру убить трудно. Она — осторожный и хитрый зверь.

Для крота («түткән, тәскәрә тамаш») кулемку делали. Эти кулемки на тех тропах, по которым кроты ходят, ставили, кулемка крота прихлопывала.

Весною бурундука («кӱрүк») петлями ловили («аннар ырбыктап ӱтӱрән»). Свистом берестяной свистульки («сыбыска тартып») его приманивали. Бурундук торопливо подходил. Его петлей ловили.

В степи («шӱл жәрлә») сурок («тарбан») водится. Охотник, спрятавшись, его караулит. Сурок, из норы выйдя, кричит. Его тут и стреляют. Мясо сурка — уж очень хорошее мясо!

На сусликов («сыраған») капкан ставят. Капкан его давит.

На крыс («әрлән») также капканы ставят. Капкан придавливает. Мясо крыс также едят.

На рябчика («сыңма»), глухаря («чај») и косача («күртүк») петли («ырбык кул») ставят.

Охотник, по тайге бродя, берлогу («ордо») медведя находит. Иногда нарочно в тайгу берлогу искать шел. Несколько ночей в тайге ночевал, берлогу находил. Вернувшись, товарищам рассказывал: „В таком-то месте я берлогу медведя нашел: медведь там должно быть лежит“.

Потом несколько товарищей, сговорившись, в тайгу шли — медведя убивали. Из ружья в голову попасть старались. Привязав мертвого медведя за шею, тащили. Оттащив, шкуру сдирали. Отрезав голову, в развилину дерева вставляли. Говорят, что встарину охотники по-медвежьи рычали и рыдали. Меж собой мясо делили. Если со стороны приходил человек, его наделяли долей. Человека, пришедшего позже [после того как шкуру уже содрали и мясо разрезали], долей мяса наделяли, долей шкуры не наделяли. Если же человек пришел, пока шкуру еще не содрали, или видел, как того медведя убивали, то все, и мясо и шкуру, между всеми делили.

На промысле все поровну делить надо. Человек, нашедший берлогу, не скажет: „Я прежде всех увидел берлогу и больше возьму“. Тот человек, чья пуля в зверя попала, тоже не говорит: „Я больше возьму“.

Рассказ Чинчикеева

Перед тем, как отправиться на промысел, охотники снаряжались. Потом они из «талкан'а ортка» приготавливали и кропление той тайге, куда промышлять отправлялись, совершали. Перед тем, как выйти из дома, они своей горе («појуның тағына») кропили. Если кропление совершить, — гора им долю даст, если не станут брызгать, — неудача им будет. С давних лет нашей собственной горе («пістің појубістің тағылу») прежде всего моление устраивали. Нашу гору называют: „С шелковым кушаком хан Обуга, с семью косами хан Обуга“. Когда свадьбу у нас устраивали, этой же горе кропление совершали.

Когда охотники до места промысла доходили, они опять той тайге, где собирались промышлять, кропили. „Хозяин тайги пусть долю нам даст!“ — говорили. „Путь наш счастливый пусть будет!“ — говорили.

Когда в тайге промышляли, старшего в артели во всем слушали. Меж собой не спорили. Когда ценного зверя убивали, в «балаган» не заносили. В дулистое дерево клали. Почему так делали? — Чтобы зверь не почувствовал и не ушел, чтобы и после зверь попадался, и доля [удача] была. Когда промышлять кончали, и время домой возвращаться наступало, тогда шкурки этих зверей сдирали. До этого сдирать нельзя. Хозяин горы мало зверя даст.

Шкурки убитых зверей выворачивали, так в «балагане» не оставляли. Хозяин горы ночью ходит, своих зверей ищет. Если шкурки убитых зверей так оставить, хозяин их увидит. Тогда остальных зверей запрячет, промысел удачным не будет.

Окончив промышлять, домой возвращались. Сколько ни добудут зверя, все поровну меж собой делили. Когда, возвращаясь, на пути кого-либо встречали, долю давали, — „сухим не оставляли“ («курук салған чок»), т. е. без добычи. Когда с промысла домой приходили, водку пили («сак аражы»). Своей горе кропление совершали. „Гора наша нам хороший путь дала, хорошую долю дала“, — говорили.

ТЕКСТЫ

1

Одна артель с промысла возвращалась. Те охотники много зверя добыли. Когда они приближались к дому, к ним один старый-престарый старик подошел: „Меня долей не наделите ли?“ — сказал. Те люди ему ничего не дали.

Когда они на второй год на промысел пошли, то долго в тайге ходили, зверя совсем мало убили. Когда они домой вернулись, шамана камлать заставили. Тот шаман к хозяину горы пошел. Когда он оттуда возвратился, он сказал: „Хозяин горы очень сердится. Он говорит: «Я прежде им много зверя давал, они же своей добычей не поделились. Теперь я ничего не хотел им дать, да пожалел и помалу дал»“.

2

Два человека промышляли. Когда они, белок стреляя, шли, один из них споткнулся об лежащую колодину и выругался. Слышно стало, как внутри горы железо куют. Эти два человека сказали: „Нам топор скуй“. Хозяин горы им из горы ответил: „Сюда идите, я топор сковал“. Один из них по направлению к горе пошел, другой, испугавшись, не пошел, а убежал прочь. [Тот] вошедший человек назад не вернулся — там умер. Оставшийся снаружи человек живым остался. Тот человек домой вернулся.

Весною тот человек пошел «пара»⁵ на рыбу ставить. Потом, когда он на [ту] «пара» поглядел, видит — давешний пропавший человек в ту «пара» мертвый попал.

3

Один охотник-человек на промысел пошел. Он ходил и белок стрелял. Если соболя попадался, он соболя убивал. К вечеру он к стану вернулся. Вслед за ним вскоре одна женщина-человек пришла. Когда он взглянул — то не человек был, то хозяйка горы была. Когда она шла, ее лыжи снега не касались. Высоко над землей, снег не вдавливая, лыжи скользили. Пришедший на промысел человек подумал: „Это хозяйка горы меня погубить пришла. Я с ней разговаривать не стану“.

Тот человек чай вскипятил (чай повесил). Хозяйка горы также чай себе сварила. Тот человек шкурки с убитых белок снимать стал. Хозяйка горы также шкурки сдирает. Вечером охотник спать постелил. Хозяйка горы также рядом с ним постель положила.

Переночевав, охотник утром рано встал; хозяйка горы также встала. Перед тем как идти за белкой, пищу поел. Хозяйка горы с ним вместе ела.

Походив на промысле, опять белок настрелял, к стану возвратился. Хозяйка горы тоже вернулась. Охотник, не будучи в силах что-либо сделать («полбос чакта»), решил домой обратно вернуться. Хозяйка горы сказала: „Ты не вздумай домой возвращаться“. Человек ей в ответ ничего не сказал. Он ружье зарядил; хозяйка горы ружье взяла и также зарядила. Он прицелился. Хозяйка горы тоже прицелилась. Человек вторично ружье зарядил. Хозяйка горы также ружье зарядила. Тот человек, думая домой возвратиться, лыжи надел. Хозяйка горы тоже лыжи надела. Человек, имеющий ружье, курок ружья взвел, пистоны заложил. Хозяйка горы также курок взвела. Человек подумал: „Ээ, теперь чья-то у нас смерть будет!“

Человек домой пошел. Хозяйка горы вслед за ним пошла. Человек ружье на плечо положил. Дуло назад, на хозяйку горы, направил. Хозяйка горы также ружье назад направала, нацелилась. Тот человек в отвисшие груди хозяйки нацелился.

Далеко от стана не отошел, Курок взвел, ружье выстреляло, хозяйке горы меж грудей пуля попала. Хозяйка горы также назад выстрелила.

Хозяйка горы вскрикнула, на снег упала. „Ты меня убил! Я с тобой жить хотела. А ты меня застрелил!“ — сказала.

Тот человек, от нее освободясь, вернулся. Возвратясь домой, с женой и детьми разговаривал и радовался. В ту тайгу больше на промысел он не ходил.

4

Два товарища на промысел ходили, один был «шөрчы». ⁶ Вечером в охотничьем шалаше («одаҕ») сидя, он на «шөр» играл. Хозяйка горы, придя, его игру слушала. Тот «шөрчы» на другой день много зверей убил. Из пойманных зверей он два исчерна черных соболя выбрал и в пустоте дупла дерева в тайге запрятал, говоря: „Пусть товарищ мой об этом не узнает“.

Другой охотник мало совсем промыслил. Очень огорчился.

Когда промышлять кончили, — тот «шөрчы» к тому дереву, где соболей спрятал, пошел. Искал, искал, того дупла не нашел. Соболей не нашел. Ветер, видно, дерево повалил. Оттого, что тот «шөрчы» с товарищем не поделился, хозяин горы соболей своих назад взял.

5

Два товарища вместе в тайгу промышлять пошли. Один из них ясновидец («көспәкчи») был, другой («комысчи») — играть на «комысе» умел.

Вечером, усевшись в охотничьем стане, они меж собой разговаривали. Потом музыкант («комысчыл») играл, а ясновидец («көспәкчыл») смотрел. Когда музыкант играл, хозяин горы, придя, стал слушать. Потом сказал музыканту: „Одной пулей пять белок, пронизывая-нанизывая, стреляй!“

Утром они вышли промышлять. Когда музыкант одну пулю выпустил («пир ок-ла атканда»), пять белок сразу — нанизывая — застрелил. К охотничьему шалашу вернулся.

У ясновидца почти совсем белок не было, у музыканта много было. Ясновидец огорчился. Музыкант сказал: „Я тебе половину (моей добычи) отдам. Люди, вместе на промысел ходящие, добытого зверя поровну делить должны!“ Ясновидец, туда глядя, плакал, сюда смотря, смеялся.

Домой вернулись, жить стали. Сколько-то жили. Много, через голову переваливая («пыжынаҕ ажыра»), зверя добывали. Полные сумы денег наживали.

Они там живут, я назад вернулся.

6

Много ли, мало ли людей в тайге, промышляя, ходили. Один охотник-человек холостым был. Тот человек ни одного зверя не убил. Вечером у огня сидя, табак курил. Одна девица, придя, рядом села. Закинув груди за плечи, у края шалаша села. „Я за тебя замуж итти собираюсь. Мой

отец тебе зверя пошлет!“ — сказала. Та девица вместе с ним ночевала. Утром исчезла.

После того тот человек, много зверя убив, домой вернулся. Когда домой вернулся, там у его дверей полно скота было.

7

В старину то было... Два товарища охотника жили. Промышлять зверей в тайгу они отправились («аҕнап сүҕлэн партырлар»). Придя в тайгу, они охотились. Зверя же совсем не было.

Один из охотчиков духовидец («көспәкчи») был, другой же играл на «шөр'е» («шөрчы» был).

Вечером, вернувшись к стану после промысла, пищу приготовили. Один из них, сделав «шөр», на ней играл. Когда «шөрчы», сделав «шөр», на ней играл, духовидец всматривался. Он увидел, как хозяйка горы — женщина, совершенно голая, — плясала и как у нее груди тряслись. Духовидец захохотал. Когда он захохотал, «шөрчы» рассердился. „Ты меня осмеял!“ — сказав, он «шөр» швырнул. Духовидец сказал: „Не бросай «шөр», играй. После, позже я тебе расскажу“.

[Давешний] «шөрчы», взяв «шөр», снова играл. [Давешняя] хозяйка горы опять скакала-плясала. Когда «шөрчы» вдоволь наигрался, хозяйка горы сказала: „Одного марала, пожалуй, подарить надо!“ Хозяйка горы ушла.

«Шөрчы» свою «шөр» [на которой он вдоволь поиграл] спрятал. Они поели. Духовидец сказал товарищу: „Ты ничего не знаешь! Хозяйка горы, придя к нам, плясала. Я потому и хохотал“. «Шөрчы» не верил. Духовидец сказал: „Хозяйка горы нам марала посулила. «Завтра убьете!» — сказала“.

Назавтра утром, когда они пошли промышлять, далеко от стана не отошли, видят — марал лежит. Они его застрелили. Марала ободрав, мясо его варили.

Вечер наступил. «Шөрчы» опять на [давешней] «шөр» играть стал. Духовидец, лежа, глядел. Духовидец тихо лежал. Вдоволь наплясавшись, хозяйка горы исчезла. Оба товарища поели. Духовидец сказал: „Хозяйка горы нам одного оленя посулила. «Обильную добычу я дам!» — хозяйка горы сказала“.

Утром, когда они промышлять пошли, одного оленя застрелили. Одну дикую козу убили. Сильно радовались. „Удача нам была“, — говорили.

8

Два человека промышлять пошли. Один из них «шөрчы» был, другой ясновидец («көспәкчи») был. Отправясь на промысел, они себе стан сделали. Когда они ходили и промышляли, ни одного зверя не могли убить. После того они вечером сидели. «Шөрчы» себе «шөр» сделал и на ней играл.

Хозяева гор пришли. Все девицы пришли. Все кругом встали. Старая старуха, придя, у ног «шөрчы» села. Ясновидец, то увидя, захохотал.

«Шорчы» играть перестал. Та старуха рассердилась и ушла. После того горные девицы сказали: „Зачем пришедшую старуху осмеяли? Этому осмеявшему человеку мы ничего не дадим. «Шорчы» же завтра мы нашу «черную корову» поймаем и отдадим“. Так говоря, они назад ушли.

Заря занялась. Рано утром охотники промышлять ушли. Ясновидец ничего убить не мог. «Шорчы» же оленя убил.

Потом обратно вернулись. «Шорчы» спросил: „Почему ты хохотал?“ — „Вот из-за чего я хохотал. Увидя, как старуха у твоих ног уселась, я захохотал“, — ясновидец ответил. „Хозяйка горы тебя зверем оделила“, — сказал.

Данного хозяйкой горы оленя «шорчы» убил. Если бы ясновидец старуху не осмеял, хозяйка горы много бы зверя им дала.

9

Охотники в тайге промышляли. Утром промышлять пойдут, к вечеру, не убив ни одного зверя, возвращаются.

Один из них «кајчы»⁷ — ‘сказитель’ был. Вечером, свой «комыс» взяв, он сказку рассказывать стал. Хозяева гор, и большие и малые, собрались и слушали. Один из них сказал: „Сильно хорошая игра — «кај».⁸ Завтра доля им большая будет!“ Утром, встав, охотники ружья взяли и пошли промышлять. «Кајчы» много белок вечером к стану принес. Опять сел и играть стал. Давешние хозяева тайги опять к стану собрались. „Сильно хорошая «кај»! Черного зверя⁹ дать ему надо!“ — хозяин тайги сказал.

Потом охотники спать легли. Когда они утром встали и, приготовив еду, ели, «кајчы» свой котел пролил.¹⁰ Сильно опечалившись, он встал и из «балагана» вышел. Промышлять пошел. К россыпям когда подошел, соболя приметил. Поймать же не поймал. Так без добычи к стану вернулся («курук нјанду» — ‘сухим’, т. е. без добычи вернулся).

10

Один охотник промышлять отправился. В тайгу придя, стан-шалаш сделал, он ходил и промышлял; ночевать к стану возвращался. Разложив огонь, котел повесил, постель себе приготовил. Лег и уснул.

Ночью он проснулся. Проснувшись, видит: рыжая девица — хозяйка горы с сережкой в носу [там] стоит. Как только ее увидел, охотник громко захохотал.

Хозяйка горы — рыжая девица сказала: „Ты что увидел, что смеешься?“ Охотник ответил: „Увидел сережку у тебя в носу, я рассмеялся“.

Разумом охотника хозяйка — рыжая девица овладела («аңчының сағыжаны тағының ази сары кыс алды» — ‘разум охотника хозяйка горы — рыжая девица взяла’). Рыжая девица охотника в свое жилище увела («сары кыс појуның јуртуна апарды»); в гору они вошли.

Три ночи переночевав, она сказала: „Наружу не выходи!“

Охотник подумал: „Почему это я не должен наружу выйти!“ Рыжая девица горных зверей («тағының алда») — маралов, коз, оленей, — к двери

приведя, доила. Охотник, дверь приоткрыв [очень сильно ее не открывая], взглянул. Смотри, как хозяйка горы горных зверей доит, он стоял и размышлял: „Если я молоко этих маралов, оленей и коз выпью, то я уже не смогу домой возвратиться!“ Он вдруг сразу дверь распахнул и наружу вышел. Звери все прочь разбежались.

Хозяйка горы — рыжая девица сказала: „Я вместе с тобой жить хотела. Если бы со мной жил, ты бы большим богачом стал. Зачем дверь открыл?! Если хочешь домой вернуться, этой дорогой возвращайся. Больше я тебе зверя не дам!“

Так охотник домой назад вернулся. „Я в ту тайгу промышлять не пойду“, — сказал.

11

Два брата жили. Один из них шаман был, другой простой человек был («тэгән кижі потған»). Тот брат, который шаманом был, женатый был. Другой же брат не женился, холостым был.

Холостой брат в тайгу промышлять отправился. Пойдя в тайгу, он там охотился. Однако зверей, которых он мог бы убить, не было. Ночуя, он на «шөр» играл («шөр тарткан»). Дочь хозяина горы к нему пришла. „Мой отец тебя зовет!“ — сказала. [Та] девица того охотника в тайгу к своему отцу повела.

Когда он туда пошел, хозяин горы его спросил: „Почему ты плачешь, играя на «шөр»? О чем ты просишь?“ — [Тот] охотник сказал: „Вот я хожу по тайге, промышляя, и ни одного зверя убить не могу: нет ни белки, ни колонка, ни соболя!“

Хозяин горы тому охотнику белок, соболей, колонков дал. Потом охотник, кончив промышлять, вернулся.

В другой раз промышлять пошел. Два меха («әкі тажуур») — два сосуда кожаных водки приготовил («әкі тажуур арастыр алтыр») и снова промышлять отправился.

Вечером, «шөр» сделав, на ней играл. Хозяйка горы — рыжая девица к нему пришла и сказала: „Мой отец тебя зовет: «Пусть сюда придет!» — говорит“.

Вдвоем они вышли. Поднявшись в гору, охотник девицу сватал («кызыны сураптыр»). Хозяин горы сказал: „С человеком солнечного мира («күнниг кижі» — 'имеющий солнце', 'имеющий день человек') жить не сможешь!“ Потом охотник просил-просил, хозяин горы согласился. Хозяин горы сказал: „У девицы той дядя по линии матери есть. Надо дядю ее позвать. Если он согласие даст («чөпкә киржә»), девицу мы отдадим!“

За дядей той девицы послали. Тот дядя пришел. Один «тажур» водки выпил. Потом сказал: „Наша девица замуж пойдет!“ Водку пили.

Тот охотник с девицей в свой «аил» вернулся. Там жили. Долго не прожили. Вскоре большой праздник настал («аң пажында улуғ пајрам потған»). Водку приготовили («ара асканнар»). Та рыжая девица, дочь хозяина горы, выпив водки, заснула. Та девица семь дней спала. Жена

другого брата, шамана, пришла. Придя, ее разбудила. Жена другого брата, насмехаясь, хохотала. „Твоя жена уж очень долго спит!“ — говорила.

Та девица, встав, рассердилась, Мужу своему сказала: „Из дома выйди да погляди!“

Тот человек, выйдя, взглянул. У его двери соболи, белки, маралы, много зверей («алдатар») стоят.

Та девица сказала: „В то время, когда я спала, я в великую тайгу, к моему отцу с «тöргүном»¹¹ сходила («тöргүнiä пар кiдiм»). Мой отец нам этих зверей дал. Если бы та женщина меня не разбудила, те звери все нашими бы были. Теперь я в тайгу вернусь. Весь мой скот уведу («пiс малларымы ата парiжам»)!“

Та девица ушла. Исчезла. [Тот] муж ее вслед пошел. Когда он в гору вошел, хозяин горы его там жить оставил. Обратного не отпустил.

Его брат шаман, совершая камлание, по тайге ходил, — того охотника не нашел. Когда он, придя к хозяину горы, его спросил, тот ему ничего не сказал. [Тот] шаман, камлая, назад вернулся, брата не нашел. „Я хозяина горы спрашивал, он не знает“, — сказал.

После того тот шаман [вместе] со своим духом-маралом в гору отправился. [Тот] марал своими рогами гору всю изрыл. Хозяин горы сказал: „Постой, постой! Твой брат здесь. Он здесь живет“. Его [охотника] хозяин тайги не отпустил. [Тот] шаман обратно вернулся.

12

Два охотника промышлять пошли. Когда они охотились, им ни один зверь не повстречался. Один товарищ сказал: „Давай вернемся домой!“ Другой ответил: „Я останусь здесь!“

Тот человек один-одинешенек в тайге жил; сделал себе балалайку — «комыс-палалайкiä».¹² Промышляя, он ни одного зверя не добыл. В тайге живя, он на «комыс'е» играл и сказки рассказывал. Всякие сказки-«кай» он, наигрывая, рассказывал («парчын чiрдiң кайыны карлай олтарды»).

Однажды он с промысла назад вернулся. Когда он к охотничьему стану подошел, там была пища приготовлена. Усевшись, он подумал: „Какой это человек мне пищу приготовляет? Никого нет, пища же приготовлена!“

Вечером, когда он, наигрывая, сидел, дверь открылась. Когда он взглянул, видит — девица у двери стоит. На него смотрит. Этот человек, ни слова не говоря, сидел. Та девица, молча, стояла.

Мужчина-человек сказал: „Если ты человек («кiжi кiптiк полжан»), то разговаривай, если ты не человек, не задумала ли ты зло на меня?“

Потом спросил: „Это ты мне пищу приготовила? Ты что за человек?“ Та девица ответила: „Я хозяйина горы дочь — рыжая девица («тағның албаны сары кыс»)»¹³ буду“.

Та девица там вместе с ним жить стала. Пока та девица с ним вместе жила, всякого зверья обилие было («парчын матап калын полду»). Когда он промышлять ходил — белок, что галок, много было («тiин кардағош полды»). Без промаху без устали их стрелял. Так жил.

Тот человек сказал: „Я хочу молоко пить!“ Утром две дикие козы пришли. Хозяйка горы — рыжая девица сказала: „Наше молоко вот это будет. Теперь молоко пей!“ Так они жили. Потом та девица сказала: „Я лягу и семь дней буду спать. Ты ко мне близко не подходи, меня не шевели“. Три дня, храпя, спала. После лед у нее из носа вытек и замерз. Шесть суток спала. Тот человек на шестые сутки лед у ее носа обломал. Тогда она проснулась.

Та девица сказала: „Я к моему брату ходила. Мой брат нам скот дал. Я от брата долю взяла и скот сюда гнала. Тот скот я могла бы сюда пригнать. Ты меня разбудил. Теперь у нас доли нет. Теперь туда обратно мы пойдем“.

Они вдвоем отправились. Теперь «тöргүн» понесли. Дойдя до горы, туда вошли. Хозяин горы сказал: „Теперь вашей доли здесь нет. Теперь эта девица и не моя сестра и не твоя жена («амă пу кыс мән-да кыс карындажым äбäs полар сән-да уџдән потбас полар»)! Теперь ты откуда пришел, той же дорогой назад отправляйся!“

Тогда тот человек домой, в свое стойбище вернулся. Его домашние¹⁴ сказали: „Ты еще жив! С тех пор, как ты отсюда ушел, прошло три года; мы тебя живым уже не считали!“

13

Один человек охотиться отправился. Он до места, где обычно промышлял, дошел. Один день ходил и промышлял. На второй день опять пошел промышлять. Вечером он возвратился к охотничьему стану. Еда была уже приготовлена. Человека же, который готовил еду, не было. Когда он поглядел, приготовленная еда очень хороша ему показалась. Он взял ее, чтобы поесть. Взял ложку и зачерпнул. Сам подумал: „Пищу, что не приготовлена руками [человека], не страшно ли есть. Боязно есть!“ — сказал. Он взял казан, чтобы вылить. Взяв, он два шага шагнул. Вылить пожалел. „Не выливать, а есть надо!“ — сказал. Он сел поесть.

Снова зачерпнул и донес ложку до рта. Опять подумал: „Пищу, что человеком не приготовлена, не боязно ли есть?“ Вторично понес казан, чтобы вылить. На этот раз, взяв казан, вылил.

В третий раз он пошел промышлять зверя. Вечером снова вернулся к стану. Опять еда была приготовлена. Тот охотник очень испугался. „Поблизости человека нет, эту пищу кто готовит?“ — испугавшись, размышлял. Когда поглядел на сваренные щи («аскан үргәжі»), то были жирные, наварные щи. „Хотя руками человека не приготовлено, как их не поесть!“ — сказал. Казан схватил, рядом с собой поставил, ложку взял. Зачерпнул и ложку до рта донес. Сердце его пищу принять отказывается. Снова, раздумывая, сидел. Вылить жалко было, пить страшно было. „Как быть?!“ — раздумывал. „Как-никак, а есть буду!“ — сказал. Вторично черпнул и ложку до рта донес, опять сердце пищи не принимает. Сразу же схватил казан и на землю вылил. Сам своими руками себе пищу приготовил. Поел.

На другой день подумал: „Итти ли мне промышлять или домой вернуться? Как лучше будет?! Пожалуй, промышлять пойду! Сегодня рано, когда солнце еще будет высоко, я вернусь. Какой человек пищу приготовляет, я увижу!“ Так рассудив, он промышлять отправился.

Солнце еще высоко было, когда охотник («ол парған кижі») к стану возвратился. Когда он вернулся, щи опять были сварены. „Какие это такие страшные вещи творятся! — подумал он. — Если съешь щи — умрешь, если не съешь — умрешь! А вылить жаль! Надо мне поесты!“ Так говоря, казан схватил. Рядом поставил, ложкой зачерпнул, чтобы есть. До рта ложку донес. Еду сердце опять не принимает. Обратил казан поставил. Взял казан, чтобы вылить. Три раза шагнул. Вылить пожалел. „Два раза приготовленное я вылил, в третий раз приготовленное если съем, что будет?!“ [— подумал].

Опять уселся. Ложкой зачерпнул. Чтобы проглотить, ко рту поднес, опять сердце пищу не принимает. „Вылью-ка я“, — сказал, казан вынес и вылил.

Так, пищу, что три раза была ему приготовлена, он не ел. Сам казан вымыл, чай сварил и пил. Постель постелил. Трубку закурил. Опершись на локоть, лег.

Когда он лежал, покуривая, какая-то совершенно рыжая женщина («сап сары кадыт») пришла. Заложив груди под мышки, она подошла. Епрем [— имя охотника было], ее увидя, догадался: „От старых людей («озо улустан») я слышал, что у дочери хозяина горы (тағның албыны) волосы длинные и груди длинные. У этой как раз все так и есть! Теперь я одинокий, как из тайги от нее уйду!“ Совершенно рыжая женщина сказала: „Я тебе еду трое суток («ўч конок») приготовляла. Ты почему не ел, а выливал? Зачем же ты приготовленную пищу, не жалея, вылил?“

Тот лежащий человек, по имени Епрем, не произнося ни звука, лежал. Та рыжая девица снова его спросила: „Приготовленную мною пищу зачем вылил? Я тебе три раза пищу приготовляла, а ты не ел и вылил!“

Тот парень, по имени Епрем, заговорил: „Раз не было человека, приготовившего пищу, я побоялся есть, оттого и вылил!“ Когда так проговорил, сознание потерял.

Когда тот Епрем очнулся, он увидел, что внутри дома находится и на кровати лежит. Епрем подумал: „Сон ли я вижу или нет?“ Он глаза протер и снова кругом огляделся.

Рыжая женщина огонь в печи развела и блины пекла. Самовар поставила. Когда он разглядел внутренность дома, все выбелено, выкрашено было. „Я лежу и сон вижу, — подумал он. — Если я возьму и свалюсь с кровати, я напугаюсь и проснусь“.

Так поразмыслив, он с кровати скатился и упал. Рыжая женщина вздрогнула — испугалась. Рыжая женщина сказала: „Только что ты с открытыми глазами лежал. Ребенок ты, что ли, или пьян ты, что с кровати скатился?“ — спросила.

Парень, по имени Епрем, сказал: „Я хотел сюда повернуться и с кровати скатился («пәрі ағланајун тап чадала актарылыјып калдым»)“. Сам

про себя подумал: „У дверей рукомойник наверное есть, там же и полотенце есть. погоди! Я умою лицо, если это сон, то пройдет!“

Он лицо вымыл. Рыжая женщина полотенце что на вешалке около печи висело, ему указала. Он вытер лицо полотенцем. Теперь он табак закурил. Он лег на кровать и, куря трубку, размышлял: „То не сон. То хозяйина горы дочь («таҕаның албаны») оказывается!“

Та рыжая девица блины нажарила. На стол самовар поставила. Приготовленную пищу всю на стол положила. Чай налила и на стол поставила. Парню, по имени Епрем, сказала: „Слезай и ешь!“

Епрем слез и есть стал. Рыжая женщина, рядом с ним сидя, ела. Епрем досыта наелся.

Рыжая женщина сказала: „За тебя я замуж вышла, ты моим мужем теперь будешь!“

Потом ему сказала: „Я теперь из дому выйду, «корову»¹⁵ доить. Вслед за мной ты не ходи!“

Взяв ведра, она вышла. Епрем ей вслед подумал: „Каких это коров она доит? Хорошо бы мне поглядеть“.

Распахнув двери, он наружу вышел. Там все маралы были. Рыжая женщина их доила. Когда Епрем вышел, все маралыхи разбежались. Женщина навзничь упала. Надоенное в ведре молоко все вылилось. Потом рыжая женщина сказала: „Я ведь тебе говорила: из дому не выходи! Почему меня не послушался?“

Епрем ответил: „Я этого не знал!“ Он подумал: „Теперь, когда рыжая женщина назад придет, мне худо будет“. Подумав так, он испугался. Рыжая женщина вернулась. Она не сердилась и не шумела («табыш атпаді»). „Ничего, — сказала, — вечером, когда коровы вернутся, подою“.

Вечер наступил. Приготовив пищу, поели. Постель постелили, спать легли.

Епрем все думал: „Что мне сделать, чтобы отсюда освободиться? ...“ И на ум ему пришло, как рыжую женщину обмануть. „У меня дома очень нужная вещь есть; если я домой не пойду и ее не возьму, я здесь жить не смогу!“ — он сказал.

Рыжая женщина ответила: „Если ты домой пойдешь, ты назад сюда не вернешься“.

Епрем сказал: „Зачем не вернусь? Вернусь! Как домой приду, ночевать там не останусь. Нужную мне вещь возьму, назад сюда вернусь!“ — сказал.

Рыжая женщина на обман поддалась («тәкәзінә кіріп»). „Если сможешь завтра вернуться, вернись! Там не задерживайся!“ — сказала.

Переночевав, Епрем на другой день в путь снаряжаться стал. Рыжая девица сказала: „Этой дорогой иди! На хребты гор ты подниматься не будешь, реки переходить ты не будешь!“

Епрем по указанной ему дороге домой отправился. На хребты гор он не поднимался, реки не переходил. Когда он сюда промышлять шел, путь ему долгим казался. Теперь, когда обратно, по пути, указанному рыжей женщиной, возвращался, совсем близко оказалось.

Придя домой, он дверь отворил. В доме ему чужим запахло. Он от этого запаха в дом войти не смог. Дверь затворил. По лестнице спустился. Внизу стоял и думал: „В свой дом я войти не могу из-за этого запаха“.

Два раза Епрем двери открывал, — все ему чужой запах чудился. Жена его закричала: „Ты зачем, отворив дверь, чтобы войти, не входишь, а снова затворяешь?“

Она взглянула. Муж ее, в дом не войдя, назад возвращался. Вслед за ним побежав, она заплакала: „Бросив нас, ты в какую-то землю отправился?“

Епрем ответил: „Уж очень для меня здесь запах чужой. Я в дом войти не могу!“

Тогда его жена народ созвала: „Мужа моего не отпускайте, его удержите!“

Люди, собравшись, за Епремом побежали и его поймали. Епрем рыдал и говорил: „Вашего запаха мне не перенести!“

Те люди насильно Епрема назад привели. Входя в дом, Епрем, платком рот закрывая, завязал.

„Ты где так долго пропадал?“ — Епрема спрашивали. Епрем все, что с ним случилось, рассказывать стал: „Хозяина горы дочь («тагъны албаны») меня захватила. Я думал, что я у нее три дня пробыл, а народ говорит, что с тех пор, как я ушел, три года прошло. Когда я с хозяйкой горы жил, ее запах меня насквозь прошел. Ваш же запах для меня теперь чужой!“ — сказал.

Тут живущие в улусе люди меж собой сговариваться стали: „Соберем больше людей, пойдем и застрелим из ружья хозяина горы дочь. Сколько ни есть у нее богатства («тöөгүн»), все себе возьмем!“ — говорили.

Один уважаемый человек («нĵан кіжі») Ананаш, старик, их остановил: „Дочь хозяина горы для вас невидимой будет. Если вы и найдете землю, где она живет, то жилище ее вы не увидите. И сама она вам не покажется!“

Обсудив, они старика послушались, никуда не пошли, здесь остались.

После того, как Епрем дважды переночевал, к запаху дома он попрыг. Епрем сильно радовался. „В ту тайгу я один больше не пойду!“ — говорил.

14

Давно-давно было. Прежнего раньше, нынешнего после. Один сирота человек жил. Однажды он зверей промышлять отправился. Тайги достиг. В тайге промышляя, он выбрал борщевник и, сделав «шөр», стал на ней играть. Когда он играл, звуки его «шөр'а» донеслись до черной горы. В горе у рыжей девицы бряцание «бот'ал'ов» слышно было.

Рыжая девица игру охотника услышала. „Давишний несчастный опять играть стал“, — сказала. „Пойду-ка я да послушаю!“ [— сказала].

Она пришла к играющему охотнику. Охотник продолжал играть. Подошедшая девица стала плясать и песни петь. Потом она охотнику

сказала: „Ты не знаешь, кто я?“ Он спросил: „Ты кто же будешь?“ Девушка ответила: „Я хозяйка горы, рыжая девушка. Ты моим возлюбленным будешь! Ты домой за картами вернись. Когда за картами сходишь и сюда вернешься, на свистульке не свищи («сыбысканы тартпа»),¹⁶ — на «комыс'е» играй. Когда в тайгу поднимешься, в гору, что с правой стороны от тебя будет, не входи. Будет другая гора, она словно золото сверкает, то наша гора будет. К той горе приходи. Тогда и увидишь!“

Когда тот охотник другой раз на промысел пошел, карты с собой взял. Он дошел до горы, указанной рыжей девушкой. Когда он на «комыс'е» играть стал, золотые двери горы открылись. Когда он, отворив одну дверь, вошел, там волки оказались.

„Ша, ша! [—сказали]. — Разве человека, что в гости пришел, есть можно!“ — сказали.

Когда он еще одну дверь открыл и вошел, там змеи были.

„Ша, ша! — сказали. — Пришедшего в гости человека не жальте!“ Змеи свернулись и улеглись.

Когда он еще одну дверь открыл и вошел, там черное чудовище — змея лежала («кяр чылан»).

„Ша, ша! — сказала. — Пришедшего в гости человека разве есть можно!“ Потом она ему сказала: „Дорога, которой сюда приходят, есть; отсюда, чтобы вернуться, пути нет!“

Когда через четвертую дверь вошел он, вынул «шөр», играть стал. Давешняя девушка выскочила. „Входи, входи!“ — сказала.

Девушка охотника внутрь дома ввела и к отцу и матери привела. „Вот, — сказала, — мой возлюбленный!“ Отец ответил: „Если вам пожениться, то давайте в карты поиграем!“

Они уселись и бросили карты — играть стали. Сколько-то, сколько [времени] они играли. Тот парень проиграл. Хозяин горы сказал: „Теперь я тебя змеям съест отдам. У меня есть чудовище-змея о девяти головах!“

Парень взял скорее свою «шөр» и стал играть. Хозяин горы без памяти упал. Когда в себя пришел, он сказал: „Что хочешь бери. Ты [состязание] выиграл. Ты меня победил. Остановись! Больше не играй!“

Парень рыжую девушку взял. Девятиголовый чудовище-змей из золотой стены девять мешков золота вынул. „Держи шапку“ — парню сказал. „Да положу-ка я в твою шапку золото! Теперь в нашем доме ты свадьбу справляй!“

Стали свадьбу справлять. Девятиголовый змей наказ дал: „Пусть весь горный скот («тағ малы») — скот горы веселится!“

Парень стал играть на «шөр». Когда он играл, горный скот веселился. И кукушка веселилась, и глухарь скакал-плясал, и ворон каркал — все звери собрались и веселились.

Когда парень так всех повеселил, он домой собрался.

До своего дома дойдя, он взял свою жену за правую руку и ввел ее в дом. Так жить стали.

Его жена золотым платком как взмахнет, откуда-то разные вещи появляются. К скоту скот прибавляется, к птице птица прибавляется.

К колодам колода прибавляется, к пчелам пчелы прибавляются. Из еды лучшее едят, из воды самую прозрачную пьют. Так живут себе, живут.

Они там жить остались. Путь обратный забылся.

Какой путь прошел, все забыл. У устья белого моря я кружусь, на переправе через реку Бию веселюсь. Спустился в чистую степь, усмехаюсь. В белой юрте здесь я жить стал. Они там жить остались.

15

Старик один жил. Жена его умерла («алған каты өлүп калған»). У него три сына было, одна дочь была. Они жили в черной тайге, которую человеку не пройти. Пашни не пахали. Одежды не готовили. Хлеба не ели. Пищей их было мясо диких зверей («аңның ади») и водяных рыб («суддың цалығы»). Одежда их была из шкуры оленей и коз. Если рубаха нужна, — шкуру зверя брали, если штаны нужны, — опять шкуру же зверя брали. Три сына жен не имели.

Однажды одна девица пришла. С красивым лицом, с длинными волосами, хорошая девица была

Старик ее спросил: „Откуда, пришедший ребенок, ты будешь?“

Та девица ответила: „Жилище мое («јаткан јуртум») черная тайга“.

„Вскормивший тебя отец кто?“ — старик спросил.

„Вскормивший меня отец мой — черная гора!“ — девица сказала.

„Вскормившая тебя мать кто?“ — спросил.

„Вскормившая меня мать — черное море!“ — сказала.

„Ты куда это идешь?“ — старик спросил.

„Я хожу, чтобы пищу найти, чтобы воды напиться. Если я встречу человека, имеющего пищу и соль, то я наемся. За этим я и хожу!“

Тогда старик сказал: „Ко мне жить иди!“

Она там жить стала.

Три сына, ходя, зверя промышляя, назад вернулись.

Старик своим сыновьям рассказал: „Из такой-то земли девица пришла“.

Старшего сына спросил: „Эту девицу замуж возьмешь ли? Если возьмешь, то, сварив мясо добытых на промысле зверей («аңнап тапкан адини»), свадебных «тутпаш»¹⁷ приготовить надо!“

Старший сын ответил: „Если она за меня пойдет, то я ее возьму“.

Девицу саму спросили: „Пойдешь ли ты?“

„Пойду!“ — сказала.

Мясо принесенных добытых на промысле зверей («аңнап акылған аңның адини») сварили и свадьбу устроили. Волосы девицы расчесали и на две косы заплели. Так поселясь, они три года вместе жили.

Взятая жена сказала: „Как со свекром в одном доме жить! Когда спишь и платок свалится — плохо то. Утром, когда встанешь и надо готовить пищу, — свекр около печи греется; опять же еду нельзя готовить. К постели свекра подойти нельзя. Рубаха свекра свалится — опять плохо. Штаны его упадут — поднять нельзя. Если перед печью рубаха свекра повешена, — опять же к печи подойти и пищу готовить нельзя. Другой, отдельный, дом нам построить надо. Вместе как жить?“

Тот разговор сын отцу передал. Отец согласился. Три сына, друг другу помогая, дом поставили («үч карындаш өбөләмип үгәлагі»). Старший сын с женой отдельно жить стал.

Не прошел еще месяц, тот старший сын исчез.

„Старший сын мой куда ушел?“ — старик у невестки спросил.

„Промышлять в тайгу ушел!“ — ответила.

„Когда промышлять идут, три брата не разлучаясь вместе ходят, один как это он пошел?“ — старик сказал. Взятая невестка ответила: „Он сказал: «Две ночи на промысле ночью (әкі конорым)», — а уже два месяца прошло“.

Отец и братья зарыдали. То ли он медведя повстречал, и медведь его задрал, то ли его ружье в него выстрелило. Человек, на два дня отправившийся промышлять, как два месяца в тайге пробудет? Не иначе как он умер!“ — Так меж собой рассуждая, рыдали.

Старик к невестке пришел и сказал: „Я тебя за моего среднего сына замуж выдать хочу («мән сәни аға отлож орға јадым» — ‘я тебя ему посадить хочу’)!“

Невестка ответила: „Я согласна!“

За среднего сына старик ее выдал («ортон уғлуна олтожуп салды» — ‘к среднему сыну посадил’, ‘поселил’). Вместе в ее доме жить стали.

Еще неделя прошла. Средний сын тоже пропал. Старик, придя, спрашивал: „Куда мой средний сын ушел?“

Невестка ответила: „Промышлять отправился!“

„На сколько дней ушел?“

Невестка ответила: „Раз ночью и вернусь («пир конуп нанарым») — сказал. Раз ночевал, не вернулся. Три ночи уже там ночевал“.

Свекр сказал: „Три брата никогда не разлучались. Когда промышляли, всегда вместе ходили. После того, как женился, как это у него ум переменялся («кјіжі алғаннық кјіјндә сағыжы кәјднш пашколап парјат»)?“

Три месяца прошло. Того ушедшего сына дожидаться не могли.

Старик с младшим сыном разговор повел: „Ясно, что он умер («анын өлгәжі пажа јарт полду»). Теперь как быть?“

Невестку приведя, он ей сказал: „Теперь я хочу тебя за моего младшего сына выдать!“

Невестка согласилась: „Если возьмет, я за него пойду!“

За младшего сына старик ее выдал.

„Теперь — нас немного, нас всего четверо осталось. Два сына умерли. Теперь в одном месте жить надо!“ — старик сказал.

Невестка ответила: „Порознь жить лучше!“

Старик сказал: „Людей у нас немного. В одном доме жить надо!“

Невестка сказала: „Давайте днем в одном доме будем, ночью же лучше нам в разных домах спать!“

Старик согласился.

Днем в одном доме жили, пищу приготовляли и ели. Ночью в разных домах спать укладывались.

Девушка, дочь старика, что-то неладное почувала («кырак алап көрүп турду»). На следующий день утром, когда еще заря не занялась, она к дому брата пошла. Брат ее только что убит был, и голова его в печь была сунута. То через окно увидя, девушка сразу домой побежала. Домой придя, она отцу сказала: „Младший брат мой убит, голова его в огонь печься положена“.

Отец, волосы на висках вырывая, рыдал. „Это не человек оказывается. Это горного хозяина дочь — рыжая девушка! Теперь мы куда от нее уйдем? — говорил. — Древние старцы («озофонан улус») так говорили: горного хозяина дочь («таңын албаным») надо вдруг испугать. Когда месяц полный станет и на убыль пойдет («пир паш алдырарда» — 'когда у месяца отберется одна голова, т. е. когда у месяца одну голову возьмут'), в первый день, как месяц на ущербе будет («ај кызыл чыңаттан» — 'когда месяц красным всходит'), — в самое то время попробую-ка я ее испугать!“ Дочь же свою он утешал: „Не плачь, дитя мое!“ — говорил.

Когда месяц на убыль пошел («ај пир паш алдырып шыңарда»), старик к невестке отправился и, пугая ее, сказал: „Скверное жилище отца твоего, из пихтовых ветвей сделанное, огонь охватил. Я моему свату помочь огонь тушить хотел было, но, состарившийся человек, я не мог туда пойти!“ Невестка сразу поверила, сказанное за правду приняла и сказала: „Сразу как только увидел, что не сказал!“ Обе груди на плечи закинув, побежала.

Дочь старика сказала: „Скорей убежим отсюда! Если она назад вернется, она нас съест!“ Старик сказал: „У нас коня нет, пешком как итти?“ Тогда девушка сказала: „Ты разве душу свою не жалеешь? Скорей уйти надо!“ Говоря так, девушка плакала. Отец ей ответил: „У нас коня нет, пешими убежать у нас сил не будет. Если она назад вернется, она за нами, ровно летящая птица, погонится“. Тогда девушка сказала: „Если ты оставаться хочешь, оставайся! Я хоть одна, да уйду!“

Девушка, в путь собравшись, одна ушла. Старик сказал: „Как же я останусь? Единственное мое дитя, куда глаза глядят, ушла; так погибнуть в момент («таң пијип жүрүп өлөп жат»)!“ Вслед за ней, снарядясь, в путь отправился.

И отец и дочь, идя, огромного моря достигли. Чтобы его переплыть, у них уменя не было («аны нәжәр пәкәзі јок полду»). [Стоящие] деревья срубив, они лодку сделали. Сделав лодку, в нее вошли.

Невестка, вернувшись, за ними погналась. Их догонять стала. Старик, видя, что она их настигает, сказал: „За свекром невестке следовать нельзя! Платок, на твоей голове повязанный, куда делся?“

Дочь хозяина горы — рыжая девушка подумала: „И вправду, разве не стыдно без платка свекру на глаза показываться?“

Руками за голову схватилась, руками голову закрыв, остановилась. В это время тот старик с дочерью через море переправились.

Хозяина горы дочь — рыжая девушка, устыдившись, обратно повернула. Старик с дочерью убежали.

Потом, дойдя до большого города, они туда вошли. Там жить стали. Оттуда я сюда вернулся. Больше ничего не было («паза јок полду»).

16

Прежде один человек жил. Тот человек коня имел. Волк коня схватил. Схватив, коня съел. Тот человек подумал: „Дай-ка я волка из ружья застрелю!“ Он прицелился, но не выстрелил, волк его остановил. Снова задумал волка застрелить. Опять волк его остановил и сказал: „В меня не стреляй! За мной следуй!“

Тот человек вслед за волком пошел. Когда он так ушел, он волка в тайге в камнях потерял. Остановясь, он подумал: „Я дураком оказался! Волка не убил, теперь да вернусь-ка я домой!“ Так я размышлял.¹⁸

На гладком месте дверь открылась. „Сюда входи!“ — волк сказал. Я вошел. Тот волк — хозяин горы был. Он спросил: „Что ты возьмешь?“

Все, что он мне ни давал, я не брал. Назад оглянувшись, я увидел, что у двери собака лежит. Я ее [у него] спросил. Он мне [ее не отдавал. На собаку глядя, он плакал, на меня глядя — смеялся. Наконец, он мне] собаку отдал. „Собаку возьми! Ты ее по дороге не бей!“ [— сказал].

Взяв собаку, я домой вернулся. По дороге собака обессилела. Взяв ее на руки, я ее принес домой. Вернувшись домой, я ее положил у двери. Сам же лег и уснул. Утром, когда я встал, еда была уже приготовлена. Я сел и поел. „Эта еда кем приготовлена?“ — я подумал.

Снова, лишь только я лег, я уснул. Когда я утром встал, опять еда была приготовлена. Опять я подумал: „Кем это еда приготовлена? Сегодня я спать не буду и посмотрю!“

Когда на заре я взглянул, то увидел, как давешняя собака встряхнулась, собачью шкуру («адај кăбі») отбросила. Словно солнце и луна засверкала. Потом я опять поглядел, — та собака девицей стала. Собачью личину — шкуру я в печь швырнул. То дочь хозяина горы была.

Вместе мы жить стали. Семьдесят семь детей родилось. Они разговаривали на семидесяти семи различных языках. Потом разошлись. Говорящие на семидесяти семи различных языках люди, разойдясь, в разных землях жить стали.

Примечания

¹ «Ажмъ» — 'запас', т. е. запас пищи и все охотничье снаряжение (порох, дробь, пистоны и т. д.), которое охотники берут с собой на промысел.

² «Калганчы ајмал» — улус, расположенный наиболее близко к месту промысла.

³ «Тăбір» — капкан, 'железо' — название орудия промысла по тому материалу, из которого оно сделано.

⁴ «Сак аразы» — водка, специально приготовленная к приходу охотников с промысла.

⁵ «Пара» — сеть в виде морды, на рыбу.

⁶ «Шбръчы» — человек, умеющий играть на «шбръ» — лудка (род свирели) из стебля борщевника.

⁷ «Кайчы» — сказитель, рассказывающий сказки нараспев под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента — «комыс» — род балалайки.

- ⁸ «Кай» — сказка, которая поется под аккомпанемент «комыса».
- ⁹ «Кара аң» — 'черный зверь' — иносказательное название соболя.
- ¹⁰ «Атыр» — 'котелок'. С котелком, который охотник брал с собой на промысел, он связывал представление об удаче, счастье. Пролить «алды» — значит потерять свое счастье.
- ¹¹ «Торгун» — вино и угощение, которые несут молодые родителям невесты и ее родственникам. Такое посещение после свадьбы дома родителей невесты считалось обязательным. Обычай этот является пережитком матрилокальности брака.
- ¹² «Палалайкя» — русская балалайка; так кумандинцы очень часто теперь называют свой старинный инструмент — «комыс».
- ¹³ «Табымб албан» — 'подданный хозяина горы', его народ, в данном тексте — дочь хозяина горы.
- ¹⁴ «Угдә киләй» — 'находящиеся дома люди'. Термином «субдәжи» — 'находящийся дома', 'хозяин дома' — кумандинцы называют жену.
- ¹⁵ «Нәк» — 'корова'. Промысловые животные мыслились скотом хозяев тайги. Ср. в легенде 8: «черную корову поймал и отдадим».
- ¹⁶ «Сымыска» — свистулька из бересты, при помощи которой приманивают зверя.
- ¹⁷ «Тутнаш» — кусочки теста — лапша из муки, чаще всего ячменной, сваренная вместе с рыбой или мясом.
- ¹⁸ Здесь рассказчик переходит на повествование в первом лице — что весьма обычно для кумандинских легенд и сказок — и дальше ведет рассказ от себя.